

УДК 316.34/.35
ББК 60.545.1
В 67

Ю.Г. Волков,

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +7(863)2641755, e-mail: infoiprk@sfedu.ru

А.К. Дегтярев,

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79885697325, e-mail: rse1985@mail.ru

А.В. Лубский,

доктор философских наук, профессор, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, тел.: +79281662733, e-mail: n_lav@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЦЕННОСТНОЙ ПОЛИТИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК США В СФЕРЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ¹

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье приводятся результаты пилотного социологического исследования по проблемам межэтнических отношений. Исследование было проведено в 2016 году в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях». В процессе многоступенчатого формирования российской ценностной политики социологические исследования на Юге России подтверждают возможность избирательной имплементации элементов законодательного и организационного опыта США в сфере гармонизации межэтнических отношений в российских условиях.

Ключевые слова: имплементация, консолидация ценностной политики, уровни консолидации ценностной политики, гармонизация, межэтнические отношения.

Yu.G. Volkov,

Honored worker of science of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Research Supervisor of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +7(863)2641755, e-mail: infoiprk@sfedu.ru

---

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

A.K. Degtyarev,

Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79885697325, e-mail: rse1985@mail.ru

A.V. Lubsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University, Rostov-on-Don, ph.: +79281662733, e-mail: n_lav@mail.ru

POSSIBILITIES OF IMPLEMENTATION OF VALUE POLICY AND INSTITUTIONAL PRACTICES OF THE USA IN THE SPHERE OF THE INTERNATIONAL RELATIONS IN RUSSIA

Abstract. This paper presents the results of a pilot sociological research on problems of the interethnic relations. The research was conducted in 2016 within realization of a grant of the Russian Scientific Fund No. 15-18-00122 “Institutional practices and value policy in the sphere of harmonization of the interethnic relations in economically developed countries with the complex ethnocultural structure: the comparative analysis and modeling of implementation in the Russian conditions”. In the course of multistage formation of the Russian value policy, sociological researches in the south of Russia confirm a possibility of selective implementation of elements of legislative and organizational experience of the USA in the sphere of harmonization of the interethnic relations in the Russian conditions.

Keywords: implementation, consolidation of value policy, levels of consolidation of value policy, harmonization, interethnic relations.

Действительно, в реализации национальной политики в РФ назрел актуальный вопрос о ее построении в формате ценностной политики. Политика в данной, важной для российского общества, сфере включает разнообразный инструментарий, прежде всего, политику правовых, административных и культурно-информационных влияний. Однако можно отметить одну характерную деталь: в контексте движения к формированию общероссийской (гражданской) нации есть необходимость осмыслить ценностную политику, направленную на актуализацию введения в публичный дискурс интегрирующих социальных ценностей, обозначить ценностную матрицу, на которой может основываться реальная национальная политика [1].

Опыт ценностной политики в США показывает, что основная ее проблема состоит в идентификации, сложной процедуре построения

иерархии ценностей, констатации ценностного ядра, достижения ценностного консенсуса и разрешении ценностных конфликтов, учитывая поликультурный и полиэтнический состав населения Юга России. Таким образом, выявляется исследовательский акцент, фокусирующий внимание на том, в какой степени американский опыт ценностной политики, как и сформировавшиеся в американском обществе институциональные практики в сфере межэтнических отношений, могут позитивно повлиять на процесс культурной и социальной интеграции на Юге России.

Сразу же следует оговориться, что в сложившейся системе межэтнических (межнациональных) отношений на Юге России существуют проблемные узлы относительно того, что можно считать ценностью в восприятии субъектов, участников национальной политики, государственных структур, региональных

органов власти, общественных ассоциаций, претендующих на статус этнического представительства, поэтому в рамках исследования, посвященного характеру межэтнических отношений, проблемное поле ценностной политики проявляется отчетливо. Как свидетельствуют результаты исследования [2], в основном фиксируются хорошие, спокойные отношения, относительное большинство респондентов характеризует их состояние как толерантное, осуществляемое по принципу взаимного невмешательства, общения преимущественно в собственной этнической среде.

Показательно, что участники опроса не обнаруживают достаточного знакомства с иноэтническими ценностями, так же как они осознают, что есть общее культурно-историческое достояние групп, населяющих регион, и при этом подчеркивают приоритет этнических предпочтений. Этот выбор не проявляется открыто, но сам факт этнодистанцирования, фиксации этнической принадлежности через общение с представителями преимущественно своей национальности свидетельствует о том, что не сложилось ценностное поле межэтнического взаимодействия, стабильная ситуация в межэтнических отношениях связана с тем, что этнические группы разведены, ориентируются в повседневных практиках на нормы и ценности своей этнической группы.

Следует подчеркнуть, что практики сотрудничества субъектов межэтнических отношений в ценностной сфере характеризуются позицией «раздельного обсуждения», проблемы ценностной политики связываются с деятельностью этноориентированных ассоциаций. Государственные структуры демонстрируют активность в рамках мониторинга, рисков напряженности в межэтнических отношениях. Между тем, источником межэтнической напряженности в региональном

социуме на протяжении многих лет называются несовместимые нормы и правила поведения разных этнических групп (38,8%) [2]. Таким образом, параллелизм этнических ценностей создает ситуацию культурной несовместимости, ассоциирования конфликтности с реализацией этноизолирующих, этнодистанцирующих ценностей.

Государственные органы не сформировали опыт определения условий и целей ценностной политики: ценностная сфера включена в этнокультурное пространство, маркируется под правом на выражение этнокультурной самобытности и вызывает тревоги, так как якобы задеваются «чувствительные струны этносов». Этнические ценности, таким образом, не подведены к состоянию сложных аксиологических компромиссов, к тому, чтобы в рамках дискуссии о публичных и этнических ценностях найти точки соприкосновения, переосмыслить, переинтерпретировать ценности в современном социальном и культурном контекстах [3].

Американский опыт ценностной политики интересен тем, что ценностная политика означает поворот в мониторинге межэтнических отношений в США не просто как аксиологический, но и связанный с переменами в системе управления межэтническими процессами. В американском обществе, где этнические группы не могут претендовать на статус политического субъекта, ценностная политика позволяет мягко формулировать этническое представительство на основе обсуждения публичных ценностей. Этнические ценности выводятся из фокуса дискуссии, так как речь идет не о сплаве этнических ценностей, а о том, чтобы определить «качества» этнических ценностей для интеграции этнических групп в американское общество.

Позитивным моментом является перенесение позиций культурной несовместимости, которая

характерна для российских респондентов, в состоянии «табуированности». Иными словами, ценностной политике задается дискурс поиска плодотворных решений, а не констатации конфликтных ситуаций. Таким образом, межэтническая конфликтность, принимая облик культурных различий, создает готовность к актуализации негативных стереотипов, относительно если не целых этнических групп, то ее отдельных представителей.

Разумеется, опыт ценностной политики в США показывает, что реализация ценностной политики зависит от того, какой вектор избран: или речь идет о приоритете ценностей сотрудничества, или о сложном, с неясными результатами процессе сближения этнических ценностей. Сложность российской ситуации состоит в том, что, фиксируя общность исторической судьбы и общенациональную гордость, в российском обществе ценности относятся к сфере формирования этнической идентичности, этнической консолидации. Стремление обозначить или сконструировать публичные ценности вызывает отторжение и непонимание, сопряжено с истолкованием целей ценностной политики как политики деэтнизации. Подтверждается предположение, что значительная часть региона рассматривает сферу межэтнических отношений не в контексте интеграции культур народов России, а как сферу межгрупповых (межэтнических) взаимодействий. Поэтому проблема легитимации ценностной политики актуализирует понимание этнических ценностей, которые выступают маркерами идентификации личности. Указанная проблема вызывает представление о том, что стабильность межэтнических отношений связана с невмешательством в ценностную сферу со стороны государственных структур и нежелательностью посягательства на этнокультурное достояние [4].

В американском обществе этнические ценности не являются системообразующими, и их место определяется соотношением с гражданскими добродетелями, с американской «гражданской религией». Ценностная политика легитимирует «позитивную дискриминацию» в смысле создания «духа» толерантности. В данной ситуации позитивная дискриминация содержит институциональные гарантии, позволяющие меньшинствам, не вызывая тревогу у большинства, дать возможность участвовать в публичном пространстве и в качестве граждан, и членов добровольных ассоциаций. Поэтому ценностная политика обусловлена обязательным участием, тем, что на основе позитивной дискриминации этнические группы способны удержать своих членов не столько привлекательностью этнических ценностей, а тем, что статус граждан позволяет выражать отношение к публичным ценностям.

В контексте межэтнических отношений на Юге России, ценностная политика не содержит признания этнических ценностей в соответствии с представлениями об этносе как коллективной общности. Проблема заключается не в том, чтобы сформировать критерии эффективной управленческой деятельности и осознать характер публичных ценностей в рамках альтернативы этническим ценностям. Публичные ценности в сознании россиян размыты с точки зрения их легитимации. Гражданская идентичность в большей степени основывается не на гражданских ценностях, а связана с коллективными представлениями о судьбе территории, и сложно сконструировать и спрогнозировать ситуацию перевода конвенциональных установок в ценностное измерение. Ценность демократии артикулируется в индивидуальном пространстве и не отражает специфики межэтнических отношений, в то время как

ценностная политика, если принимать во внимание американский опыт, построена на основе измерения интегративного потенциала этнических ценностей, то есть процедуры селекции для встраивания в публичный дискурс.

Тем не менее, 29,3% респондентов называют в качестве источника межэтнической напряженности [2] гражданскую незрелость молодежи, проявляющуюся в качестве своеобразного бытового экстремизма, что является следствием дистанцированности в межличностном общении, когда у молодых людей формируется комплекс этнической исключительности или этнического негативизма. Данная позиция является следствием того, что в обществе не выработан кодекс гражданского поведения, привлекательный для молодежи в рамках реализации культурной интеграции, создания гражданского гомогенного регионального общества.

Результаты социологического исследования показывают, что публичная политика может быть разнонаправленной и разноскоростной. Различие этнополитической ситуации, так же как и различные пути интеграции этносов в состав России, обязывают ориентироваться в проведении ценностной политики на то, какой смысл приписывался этническим ценностям на публичном дискурсе этносов, какое влияние этнические ценности оказывали на повседневные практики, кому принадлежит лидирующая позиция в воспроизводстве этнических ценностей и с какими этническими ценностями связывается укрепление этнической идентичности.

Американская ценностная политика основана на парадигме конструктивизма: в рамках ценностной политики возможно реформативное переформатирование этнических ценностей, их привязка к этнической идентичности как добровольному выбору, как частному делу гражданина. В российских условиях этнические

ценности воспринимаются на уровне коллективных представлений, того, что обладает этномобилизующим и этноконсолидирующим эффектами. Поэтому государственные структуры не могут играть роль публичного менеджмента, быть арбитрами разрешения ценностных конфликтов. Идентификация публичных ценностей является предметом инициативы гражданских ассоциаций. С позиции публичных ценностей могут позиционироваться проблемы, имеющие результатом согласие по убеждению. Вместе с тем, площадкой для реализации ценностной политики могут стать локальные сообщества, структуры местного самоуправления, наиболее отвечающие требованиям влиять на повседневные практики, снижать накал культурной несовместимости.

Речь идет о том, чтобы постепенно сокращать этническую дистанцию через совместные формы локальной активности, преодолевать этнические стереотипы и предрассудки. Так, дискуссия о соотношении гражданских и этнических ценностей может вносить элементы напряженности, публичные ценности рассматриваются не в бинарности к этническим: при участии структур местного самоуправления возникает возможность аксиологизировать межэтнические отношения через осознанное предпочтение ценности сотрудничества.

Проблема заключается в том, что ценностная политика в США имеет своей целью через культурные различия выработать схему мягкой интеграции. В российской практике межнациональных отношений культурные различия в большей степени воспринимаются как критерий этничности, несхожести и различий с другими этносами и воспроизводятся для артикулирования этнополитических претензий. Иными словами, культурные различия не работают в пользу культурной интеграции,

так как признаются на консоциативном уровне в рамках ознакомления с самобытными культурами, но вне «посягательства» на этнические ценности.

В этом дискурсе заложена барьерность, связанная с тем, что неясной становится транзикация от модели поликультурности к матрице гражданской идентичности. Как следствие, гражданская и этническая идентичности «сосуществуют», но не определяются в рамках выявления доминирующих публичных ценностей. Как показывают результаты исследования, то, что 21,1% респондентов указывают на нарушение гражданских прав из-за этнической/религиозной принадлежности как источник межэтнической напряженности, выявляет определенную рискогенность, стимулирование и поддержание этнических, этнокультурных различий: нарушение гражданских прав в этой ситуации выводится из инвариантных этнических параметров [2]. Другими словами, в обществе может постоянно воспроизводиться данная ситуация на основе того, что этносы имеют врожденные, инкорпорированные в структуру ментальности и поведения особенности, что гражданские права незаметно подменяются правами на этническое самовыражение и самобытность.

В таком контексте ценностная политика, если исходить из американского опыта, имеет пределы в преодолении синдрома культурной несовместимости. Этническая аргументация может использоваться для объяснения конфликтности экономического происхождения. И в этом смысле ценностная политика может быть плодотворной только как публичный менеджмент, определяемый возможностью выработки общей позиции на основе принятия формулы предварительного согласия.

В условиях, когда полем ценностной политики может стать местное самоуправление, следует

говорить о том, что именно на этом уровне этнические различия не легитимируются по логике исключительности. Связь с конкурентностью позиций в экономической сфере очевидна, и поэтому, чтобы не возникало состояние межэтнической напряженности, необходимо определять ценностную политику политикой приглашения за стол переговоров. Так, «конкуренция за рабочие места» как источник межэтнической напряженности может принять цивилизованный вид, если ценностная политика практикуется в контексте закрепления за этносами профессиональных ниш, в которых достигнуты наибольшие успехи и в которых этническая солидарность ориентирована на включение в активную жизнь локального социума.

Как показывает американская модель ценностной политики, имплементация в российских условиях определяется не столько принципиальным тезисом о несхожести ситуации межэтнического взаимодействия, сколько идеей общекультурной идентификации, основанной на интегративных ценностях американского общества. Следует подчеркнуть, что в российских условиях наивно ожидать, что ценностная политика станет сферой разделения компетентности властей и гражданского общества на социальном макроуровне. Местное самоуправление, которое в правовом аспекте не является органом государственной власти, имеет преимущество поле реализации ценностной политики, так как позволяет включать различные группы активных граждан как партнеров в выработку стратегии совместного действия. При этом этнические претензии если и не исчезают, то перестают быть определяющим фактором в ожиданиях этнических групп.

Когда респонденты в качестве одной из причин формирования межэтнической напряженности определяют недостаточное внимание

вопросам межэтнических отношений со стороны органов власти (в диапазоне от 20,1 до 32,1%) [2], это свидетельствует о том, что в массовом сознании не дифференцировано понимание специфики государственной власти и местного самоуправления, что местному самоуправлению приписываются традиционные бюрократические традиции. Также следует отметить, что до тех пор, пока существует практика сосредоточения компетентности межэтнических отношениях на уровне властных структур, сложно предвидеть иную ситуацию, связанную с тем, что вопросы межэтнических отношений могут восприниматься как сфера ценностной политики. Имеется в виду, что сложилась традиция, согласно которой наиболее приемлемым в межэтнических взаимодействиях является административный (властный) ресурс, что эта сфера связана с правовым регулированием, однако обращенным не к дискурсу обсуждения публичных ценностей как обязанности системы управления, а с тем, чтобы на основе новых регуляторов, которые не всегда оказываются эффективными, ставить в рамки государственного контроля инициативы, исходящие от активных граждан.

Но в этом случае неизбежность ценностной политики заключается в том, что ее «конструирование сверху» становится процедурой отбора удобных партнеров и не охватывает сферу развития публичных коммуникаций, формирования ценностных образцов для совместного проживания. Ценностная политика в американском обществе, если исследовать ее истоки, восходит к стремлению преодолеть риски этнической неоднородности. На Юге России миграционные процессы переформируют этнический и этноконфессиональный баланс, что находит восприятие в реабилитации негативных этнических стереотипов. Не разделяя идею о том, что ценностная политика может

укрепить веру в неограниченные возможности личности, независимо от этнического статуса, важно акцентировать внимание на том, что ценностная политика в российском обществе может интерпретироваться через корреляцию публичных ценностей и реализацию успешных практик. Это означает, что возможно снижение критического настроя в адрес структур, регулирующих проблемы межэтнических отношений, а 28,1% указывают на недостаточный опыт и компетентность официальных работников [2].

Очевидно, что принятая в рамках инструментария опроса степень интеграции в сферы социальной жизни (образование, трудоустройство, возможность открыть собственное дело, карьерный рост, правовое равенство) показывает формирование модели ценностной политики, направленной на признание значимости опыта совместных практик, в которых ценность сотрудничества воплощается в жизненных стратегиях индивида. Самое значимое состоит в том, что до сих пор ощущается неформальная опека со стороны принадлежности к этнической группе в рамках властной карьеры. Иными словами, ресурс власти нельзя недооценивать, так как согласно стереотипу о том, что межэтнические отношения принадлежат к сфере компетентности властных структур, социальное самочувствие этнической группы по критерию успешности зависит от того, каков этнический состав органов структур управления.

Институциональные практики в сфере межэтнических отношений в американском обществе сформировались ранее ценностной политики. Ценностная политика призвана усилить легитимацию эффективных моделей межэтнического взаимодействия, обосновать на ценностно-нормативном уровне через процедуры обсуждения публичных ценностей модель добровольной интеграции, вытекающей

из различных стартовых условий и влияния этнокультурных особенностей мигрантов [5].

В этом контексте очевидно, что имплементация американского опыта связана с осознанием трех предельных факторов. Во-первых, требуется достижение формулы полного равенства, которое не гарантирует успешность межэтнического взаимодействия, но, по крайней мере, не продуцирует межэтнические риски, связанные с конкуренцией за властные ресурсы, расширяет коридор возможностей, утверждая перспективы карьерного роста в иных сферах общественной жизни (экономической, культурной), этническая группа может реализовать собственный потенциал, состоявшийся признанной через легитимацию культурного, экономического, социального капитала, и, таким образом, влиять на формирование политики в сфере межэтнических отношений посредством формирования образа успешной достигнутой группы.

Второй предельный фактор проявляется в том, что институциональные практики в американском обществе основываются на формуле разделения бизнеса и власти. Хотя этот принцип не соблюдается в чистом виде, тем не менее, условия сложившейся институциональной среды способствуют тому, что перспективы карьерного роста в большей степени связаны с освобождением от этноцентристских установок, с тем, чтобы восхождение по карьерной лестнице было связано с эффективностью исполняемых профессиональных функций и не демонстрировало признаки «этнической» коррупционности, предпочтение «своих» в процедурах отправления государственной службы.

Третий предельный фактор требует рассматривать собственное дело как сферу личных достижений и не обременен преодолением заблуждения о преимуществах этнической

идентичности. Наоборот, претендентами на высокое место в негласной этнической иерархии становятся не «этнопрофессионалы», а те, кто сделал деловую карьеру, стал известным благодаря личным качествам и, в этом смысле, показывает, что быть американцем можно независимо от этнической принадлежности. Если исходить из результатов анализируемого социологического опроса, респонденты на Юге России склонны считать практики этнической солидарности влияющими на открытие собственного дела, на то, что возможную помощь окажут не только родственники, но и «соплеменники». В наибольшей степени этот фактор проявляется в Крыму, где, очевидно, этническая структура социума характеризуется занятием крымско-татарским населением ниш, статусов реабилитированного народа. Это важно для того, чтобы оценивать степень интеграции через карьеру и открытие собственного дела как независимые от этнического фактора. Иными словами, межэтнические отношения ориентированы на интеграцию при активной поддержке государства и не сформированы механизмы неформальной опеки через властные структуры и бизнес-структуры.

В других регионах ситуация различается от того, в какой степени этнический дискурс включен в институциональные практики. Высокая степень зависимости карьерного роста от этнической принадлежности в КБР и РА является следствием этнизации властных структур в 90-е гг. XX века, стремлением через использование статуса титульной нации добиться включения формальных практик в распределение влияния этнических групп.

Также следует отметить, что в контексте социологического исследования выявляется оценка неэффективности государственных структур – как следствие некомпетентности и коррупционности.

Респонденты имеют в виду, что принятие эффективных решений, учитывающих государственные интересы, так же как интересы этнических групп, может блокироваться под влиянием неформальных механизмов, сделок, создающих преимущества отдельным лицам или группам интересов. Очевидно, что сложившиеся на Юге России институциональные практики в сфере межэтнических отношений содержат запрос на приоритет формальных институтов на введение межэтнических отношений в правовое поле [6].

Важно, чтобы социальные напряжения не трактовались как межнациональные, так как можно получить эффект «ползучей этнизации». Действительно, результаты социологического исследования показывают, что включение опыта институциональных практик в американском обществе может основываться на том, чтобы не интрадуцировать представления о носителях институциональных практик как этносах, обладающих социальной и культурной гомогенностью, воспроизводящих инвариантные этнические интересы. Институциональные практики в США оказываются успешными, если определяются в рамках конфликта или компромисса интересов реальных групп. Об этом свидетельствует опыт регулирования межэтнических отношений в штатах «латиноамериканского пояса».

Сложности в реализации институциональных практик возникают в условиях этнизации, когда принимается за безусловность право определенной группы влияния стать выразителем интересов этноса. Иными словами, для реализации целей национальной политики на Юге России актуально включение в этот процесс групп, представляющих весь социально-экономический и политический спектр региона, широкий формат участников межэтнического общения.

Результаты социологического исследования показывают, что сложился консенсус относительно исключения из данного процесса радикалов и экстремистов (24,1% респондентов считают усиление влияния радиального ислама одной из причин межэтнической напряженности). Такая конфигурация общественных настроений позволяет говорить о том, что перспективно консолидировать общество на идее отпора радикальной экспансии и, вместе с тем, сформулировать действующие механизмы, направленные на то, чтобы конфессиональный фактор не стал источником межэтнической напряженности. Полагая, что на Юге России конфликтогенный потенциал межэтнических отношений не может быть определен в этноконфессиональном дискурсе, важным является сдвиг носителей религиозной и национальной нетерпимости в маргинальную область [7].

Сегодня сложно оценить перспективу самоактивизации населения для противодействия агрессивности и нетерпимости в межэтнических отношениях. Очевидно, что массовые настроения характеризуются неприятием радикалов, но и индифферентны к претензиям радикальных структур стать фактором влияния на состояние межэтнических отношений. Институциональные практики в США основываются на предупреждении радикализма, исходя из процедур миграционной политики, из «теста» мигрантов на лояльность к американскому государству.

В российских условиях радикализм и экстремизм имеют внутреннее происхождение, активный рост численности мигрантов, и связанные с этим эксцессы только выявляют заложенные в межэтнических отношениях противоречия между дискурсом межэтнического согласия и культивированием этнических различий. В контексте рассматриваемой проблемы особенно

значимы два взаимосвязанных процесса: переструктурирование идентичности населения, и в этом смысле американский опыт может быть полезен, и становление новых образцов этнической идентичности. Желаемым состоянием, как и в США, становится перемещение этнической принадлежности в сферу личного выбора, когда на этом фоне возрастает значимость общекультурной и гражданской идентичности. Как показывает опыт США, институциональные практики эффективны, если нацелены на расширение возможностей этнической идентификации и переидентификации, но содержат спорные последствия, если создают условия для этнической мобилизации, анклавизации и сегрегации.

Проблемным в американском опыте можно считать процесс формирования этнических общин, активных агентов создания сетей поддержки, взаимопомощи и коммуникации. Выявляемый конфликт между активностью групп этнических интересов и гражданскими ассоциациями, а также властными структурами, показывает, что в рамках социокультурной и политической интеграции нельзя обольщаться партнерством с группами этнического представительства, имеющими, в отличие от гражданских ассоциаций, доминирующую этнополитическую ориентацию [8].

Самоустранение государственных структур от социокультурной интеграции может привести к тому, что сфера межэтнических отношений монополизирована этнократическими кланами, что усиливает убежденность в актуализации этнической принадлежности по сравнению с гражданской и культурной идентичностями. Карьера через образование, профессиональную и социальную активность создает альтернативный коридор возможностей для индивида, и возникает совершенно иной дискурс, отличающийся от привычных штампов об

удовлетворении коренных интересов этноса. Если использовать интеграционный потенциал образовательной сферы, судя по общественным настроениям, речь идет о предоставлении образовательных шансов в контексте выравнивания социальных и территориальных различий, и американский опыт полезен тем, чтобы осуществлять квотную политику по отношению к социально депривированным группам, уделяя внимание недопустимости этносоциальной дискриминации.

Исходя из наработанности институциональных практик в сфере межэтнических отношений в американском обществе, усиление прагматичности социальных институтов в нынешних условиях, когда опасение по поводу того, что усилия будут затрачены на организационные изменения, дающие эффект роста различных структур и организаций, претендующих на роль акторов межэтнических отношений, приведут к эффекту «холостого залпа». Исследование выявило доминирующие позиции в иерархии факторов, способствующих формированию межэтнической напряженности (сложная экономическая ситуация, дефицит рабочих мест, некомпетентность государственных рабочих структур в регулировании межэтнических отношений, недостаточное внимание к межэтнической проблематике).

Анализ результатов опроса выявил разнонаправленные тенденции в оценке межэтнических отношений на Юге России, связанные с тем, что межэтническая ситуация не занимает ведущее место в иерархии тревог населения и не может трактоваться на уровне высокой рискогенности и конфликтогенности, и, вместе с тем, сохраняется представление об инвариантности, воспроизводимости межэтнической напряженности, имплементация американского опыта в сфере регулирования межэтнических отношений избирательна. Позитивным

обстоятельством можно считать включение в дискурс межэтнических отношений формулы сотрудничества и участия в контексте повышения доверия к органам местного самоуправления, способным мобилизовать представителей различных этнических групп на реализацию локальных проектов.

Перенос акцента в сфере межэтнических взаимодействий с организационных и культуроориентированных акций на реализацию социально значимых проектов означает сужение «этноцентристского дискурса», порождающего неизбежно поиск победителей или проигравших в сфере межэтнических отношений. Фоном для солидаристских практик может быть привлечение в качестве участников межэтнических отношений, сформировавшихся в регионе, групп социального волонтерства. Подходы и дефиниции, предложенные в американской ценностной политике и институциональных практиках в сфере межэтнических отношений, адресованы этническим диаспорам к интеграции в американское общество. В российском контексте социокультурная интеграция

определяется созданием конструктивного баланса гражданской и этнической идентичностей, имеющим последствием стабилизацию межэтнических отношений в долгосрочный период.

Таким образом, учитывая коллективные представления об этнической принадлежности, межэтнических отношениях, роли государственных структур в национальной политике, перспективной представляется мобилизация населения региона как в рамках достижения сплоченности против угрозы радикализма и экстремизма, так и институционализации практик, укрепляющих отношения между этносоциальными группами и образовательными, экономическими, культурными институтами. Речь идет о том, чтобы переломить ситуацию спада восходящей социальной мобильности, особенно это касается положения молодежи. Социальное неравенство, которое воспринимается как неравенство в положении этнических групп, может быть представлено посредством повышения гражданской активности, способом смягчения диспропорций в обладании социальными ресурсами.

Примечания:

1. Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. 316 с.

2. Социологическое исследование было проведено в 2016 г. в рамках реализации гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях». Исследование охватило население республик Адыгеи (РА), Кабардино-Балкарии (КБР), Крыма, Ставропольского края (Ст. кр.), Краснодарского края (Кр. кр.) и Ростовской области (Р. об.). Выборочная совокупность (2360 человек) соответствует половозрастной, этнической и религиозной структуре населения обследуемых регионов.

3. Волкова А.В. Формирование системы государственного управления в России (политико-аксиологический подход): дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2014.

4. Value Policy: Conceptual Interpretation of Research Practices / A.V. Bedrik, I.P. Chernobrovkin, A.V. Lubskiy, Y.G. Volkov, N.A. Vyalykh // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol 9 (5). DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i5/87598.

5. Ideological grounds for settlement of inter-ethnic relations in modern Russia: competition of ideas and ideology of humanism / A.S. Frolova, A.V. Lubsky,

O.Y. Posukhova, A.V. Serikov, Y.G. Volkov // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Т. 6, № 4. P. 58-63. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n4s4p58.

6. Денисова Г.С., Глушкова С.А. Особенности национально-государственной идентичности молодежи южных регионов России: сравнительный анализ // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал*. 2016. № 5 (58). С. 81-92.

7. Воденко К.В. Институциональные практики гармонизации межрелигиозного взаимодействия на Юге России и перспективы их имплементации в политику конструирования гражданской идентичности // *Гуманитарий Юга России*. 2016. № 4. С. 72-83.

8. *Public Value: Theory and Practice* / ed. by J. Benington, M. Moore. London, 2011.

References:

1. Valuable politics and institutional practices in the sphere of interethnic relations in economically developed countries with complex ethnic and cultural structure: monograph / Ed. by Yu.G. Volkov. Rostov-on-Don: Foundation of Science and Education, 2015. – 316 pp.

2. Sociological study was conducted in 2016 as a part of the grant realization of the Russian Scientific Foundation No. 15-18-00122 «Institutional practices and value policy in the field of harmonization of interethnic relations in economically developed countries with complex ethnic and cultural structure: Comparative analysis and modeling of implementation in Russian conditions». The survey covered population of the Republic of Adygheya (RA), Kabardino-Balkaria (KBR), Crimea, Stavropol Territory (St. kr.), Krasnodar Krai (Kr. kr.) and Rostov Region (R. obl.). Sample population (2360 people) corresponds to the age and gender, ethnic and religious structure of the population of the surveyed regions.

3. Volkova A.V. Formation of the system of state management in Russia (political and axiological approach): Dis. for the Dr. of Polit. Sciences degree. SPb., 2014.

4. Bedrik A.V., Chernobrovkin I.P., Lubskiy A.V., Volkov Y.G., Vyalykh N.A. Value Policy: Conceptual Interpretation of Research Practices // *Indian Journal of Science and Technology*. 2016. Vol 9 (5). DOI: 10.17485 / ijst / 2016 / v9i5 / 87598.

5. Frolova A.S., Lubsky A.V., Posukhova O.Y., Serikov A.V., Volkov Y.G. Ideological grounds for settlement of inter-ethnic relations in modern Russia: competition of ideas and ideology of humanism // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015.Vol. 6. No. 4. P. 58-63. DOI: 10.5901 / mjss.2015.v6n4s4p58.

6. Denisova G.S., Glushkova S.A. Features of the national and state identity of youth of the southern regions of Russia: a comparative analysis // *POISK: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture: scientific and socio-cultural journal*. 2016. No. 5 (58). P. 81-92.

7. Vodenko K.V. Institutional practices of harmonization of inter-religious cooperation in the South of Russia and prospects for their implementation in the policy of civic identity construction // *A humanitarian of the South of Russia*. 2016. No. 4. P. 72-83.

8. *Public Value: Theory and Practice* / ed. by J. Benington, M. Moore. London, 2011.